

Олек — восхитительно!

Загримироваться я решила в Театре сатиры у **Сильвы Васильевны Косаревой** — заведующей гримерным цехом, которая работает в театре уже 55 лет.

— Ну что, пионеркой или пенсионеркой работать будешь? — спросила меня

Гример Сильва Косарева с Ольгой Арсовой много лет назад.

Сильва Васильевна и взяла гумоз — такой специальный мягкий материал, с помощью которого делают носы и "лепят" лицо. А рядом, на столах, — щеточки, расчески, пухфики и разные забавные предметы, с помощью которых Сильва Васильевна из меня пытается сделать артистку, а из артисток — героиню.

— Главное в нашем деле — создать образ, придумать грим и прическу, соответствующие эпохе. Вот сейчас, например, над **Ширвиндтом** и **Державиным** работаю над новым спектаклем. Там надо так придумать, чтобы Шура (значит, Ширвиндт) быстро превратился в Сталина, потом в Брежнева, а из Брежнева, кажется, в Хрущева.

Представить импозантного Ширвиндта тираном народов или генсеком в маразме, видимо, под силу только Сильве Васильевне.

— А почему вас так назвали?

— Моя мама очень любила оперетту "Сильва". Вот почему. Я все арти отсюда знаю.

Правда, петь она не стала, а рассказала, в каких условиях приходится работать гримеру. Вот, скажем, как-то экстренно потребовалось изменить облик **Ольге Арсовой**, прямо в кулисах. Гример так торопилась, что огромный парик пришила не к волосам, а к коже артистки. На сцене та обнаружила из-под парика струйки крови. Но такие "издержки производства" не мешают артистке Арсовой дружить с гримером Косаревой много-много лет, любить и ценить ее за талант.

— Все гримеры старые были консервативны, а Сильва все время что-то изобретала, — рассказала по ходу дела **Ольга Арсова**. На одном спектакле она мне придумала сногшибательную прическу: одна половина головы — модная прическа, а другая — историческая. Когда она сделала

грим, отойдет в сторону и говорит: "Олек — восхитительно!", а когда что-то не нравится: "Олек — отвратительно!".

Под разговоры о париках, прическах и случаях из жизни "превратилась в жуткую ведьму, однако не лишнюю обаяния. В следующий раз Сильва Васильевна пообещала сделать из меня красавицу.

Красить бревно может не каждый

Красить костюмчик я задумала во МХАТе им. Чехова, у **Елизаветы Алексеевны Коротковой**, занимающейся этим делом скоро как 40 лет. Подвал, где сидит Елизавета Алексеевна, — чудная декорация из сцен "Дети подземелья" и "На дне"

Урок Коротковой — 1997 — 21 марта — 47.

ДОМОВЫЕ ТЕАТРА

ИХ МЕСТО — ЗА КУЛИСАМИ

Пришло время восстановить справедливость и рассказать о тех, кто не выходит на поклон, не раздает автографы и не получает цветы от восторженных фанатов, но без которых у артистов и режиссеров не было бы ни аплодисментов, ни цветов, ни, не любящих этих слова, популярности. Этих людей, как правило, не видно. Их место — за кулисами. Хотя и за кулисами их не слышшь — сидят по своим подвалам, цехам, чердакам, где шьют, красят, примеряют. Все эти чудачковатые для нормальных людей тети Шуры, Сильвы, Ривы, дяди Саша, Кузьмичи, Петровичи — добрые домовые, без которых любой театр перестает быть театром. В поисках домовых, которыми живут театральные дома много-много лет, я и отправилась по московским театрам.

одновременно. Свет с трудом пробивается сквозь маленькое окошко, освещая кахле-то допотопные пищевые котлы, трубы, темный, вечно мокрый пол.

Красильщица Елизавета Короткова — всем красильщицам красильщица.

— Когда сюда попал Евгений Евстигнеев, он бегал и все кричал: "Батюшки, разве такое бывает!" — смеется Елизавета Алексеевна.

Бывает, оказывается. И такие люди, как Елизавета Алексеевна, редко, но встречаются. Она имеет привычку приходить в свой подвал к 7 утра, на глаз опре-

делять состав любой ткани и покрасить в разные немилые оттенки бревно, превратив его в высокохудожественный предмет. У нее красит костюмы вся театральная Москва.

— Ну как красить? Наши краски все на букву "Г". Чтобы нашими работать, я красшу сначала по сто образцов. Вот, допустим, у вас два красителя — радоним, знаете такой? — так их два "ж" и "к". Попробуйте их соединить, чтобы один другого не вытолкнул.

Эта решительная женщина предлагает мне в пользование один из своих котлов и поступить к ней в ученицы с перспективой сделать из меня мастера. Как в свое время знаменитый на всю Москву красильщик Красивичев, державший на Остоженке мастерские, сделал из нее первоклассного

мастера. А я предлагаю ей припомнить тех, кого мое поколение не знает и обмирает только от одних имен — **Тарасова, Андровская, Степанова, Ливанов...**

— А кто-нибудь из них красил у вас вещи?

— Ну больше всех Тарасова и Андровская. У Тарасовой все вещи были цвета беж. А у Андровской — сирень. Я Андровскую очень любила. Такой обаятельный человек, передать не могу. Когда у меня в 70-м году муж умер и я осталась с двумя детьми, первая ко мне пришла Андровская. Поработавшая с мхатовскими корифеями, Елизавета Алексеевна строга к современным артистам:

— Я всегда говорю: раньше вышел артист на сцену и... брлин. А сейчас чего? Не вижу я актера. Не вижу.

Но видит все костюмы, в деталях, даже мелочи замечает.

— Занавес открывается, я вижу свои костюмы, и на сердце так хо-ро-шо-о-о. Больше всего из спектаклей я любила "Синюю птицу". Сколько я колдовала над костюмом Воды, о-же-хе.

Елизавета Алексеевна на вредном производстве "посадила" почки. От испарений в подвале трудновато дышать, особенно летом. Говорит, что ушла бы, если бы могло было прожить на одну пенсию. И сама себя одернула: "Да не ушла бы я нигде, если бы даже было очень много денег. Я люблю свою работу. Люблю".

Фраки для великих

Жалко, что я не ношу фраков, иначе имела бы самый лучший, сшитый по знакомству у мхатовского мастера **Перцева**. **Александр Титович** — один из немногих, если не единственный в Москве, кто умеет делать настоящие фраки. Острижки уверяют, что Смоктуновский стал Смоктуновским после того, как надел фрак от Титына.

— Ну где я научился шить фраки? У меня культура, подход к этому фракному делу, когда я начинал, был неумельный. Так, **Кторов, Массальский**, они мне говорили, бывало: "Ты, миленький, в груди пужке делай, чтобы, как влитой, сидел". И жилетку меня правильно сажать научили они.

Портной, как и положено ему, с клеванчатым сантиметром вокруг шеи, надева-

Его первым спектаклем была "Анна Каренина", после которого Алла Тарасова, сгравировавшая Анну, сказала Титычу: "Вы останетесь здесь навсегда". И ведь оказалась права. Мастер Перцев шьет фраки, костюмы без малого 40 лет.

Его первым спектаклем была "Анна Каренина", после которого Алла Тарасова, сгравировавшая Анну, сказала Титычу: "Вы останетесь здесь навсегда". И ведь оказалась права. Мастер Перцев шьет фраки, костюмы без малого 40 лет.

Мама для артиста

Рива Борисовна Бабашина — костюмер из "Ленкома" — плечет, как только начинает говорить про свой театр.

— Любочка Матюшина так пела в "Звезде и смерти", что я в кулисах даже стоять не могла, — говорит о приятных вещах **Рива Борисовна**, как бы нарастаю, со всплесками в голосе.

— Что же вы плачете?

— Ой, дочка, да здесь же вся жизнь прошла. Ведь я всех мальчишками помню, студентами бегали — Мишенька Державин, Леночка Марков, Коленька Караченцов. Я раньше ведь на мужской половине работала. А когда на женскую меня перевели, артисты мне говорили: "Не ходи к сабам, они тебя съедят".

Ее не "съели" по причине невинной и светлой натуры, от которой даже у самой кроткой театральной старей комок в горле встает. Особенно тогда, когда **Рива Борисовна**, уже совсем немолодая, пулей носилась от сцены до гримерок, чтобы принести "Инночку" (Чуриковой, значить) платочек, а "Леночку" (значит, Шаниной) шляпку. Когда артистки приходят на спектакль, у них даже нет сомнений, что старого костюмера нет рядом. Такого просто не может быть. "Я тут, Инночка", — говорит **Рива Борисовна**, выростая как из-под земли в нужный момент и в нужном месте.

— Бирман на меня сердился, что я картавлю. "Я же не артистка, Серафима Германовна", — говорила я. А она, бывало, сядет в последний ряд балкона и слушает, как артисты разговаривают на сцене: кого слышно, а кого нет. Сердился жутко.

Сейчас ей 82 года. 52 из них прошли в "Ленкоме". Оберегая ее (поздние возвращение после спектаклей опасны), **Риву Борисовну** перевели на шаддкий режим: костюмер работает в основном на утренних спектаклях. Это ее ужасно мучает. Ну не может она без "Ленкома" — мама всех артистов.

Таких людей в каждом театре если поискать, можно найти. Эти уникальные шляпницы, мебельщики, монтировщики, гримеры, режиссеры... Что их держит в театре? Ну не зарплата же от 200 до 400 тыс. деревянных в месяц. Мечта о лучшей жизни, которая есть только в театре? Или нереализованное желание стать артистом? Наблюдая за ними, я открыла закон: не они выбрали театр, а театр выбрал их. Святые или нейные?

Марина РАЙКИНА.

Фото **Александра КОРНОЩЕНКО.**

Костюмер Рива Бабашина.

Мужской мастер Александр Перцев. В его фраке получали Нобелевскую премию.

— Кторов мне говорил: "Чем ниже талия — тем проще человек выглядит". Поэтому, братец, повыше делай". А как они одеваются — и Ливанов, и Массальский. А вот **Грибов Алексей Николаевич** не умел носить одежды красиво.